

Дикарка

НОВЕЛЛА

Сембен Усман хорошо знаком советскому читателю как один из самых ярких прозаиков Западной Африки, ведущая фигура прогрессивного крыла современной сенегальской литературы. Усман — автор романов «Сын Сенегала», «Божьи палочки» и большого числа рассказов из жизни простых сенегальских тружеников.

Мы публикуем одну из последних новелл Сембена Усмана с некоторыми сокращениями.

СЕМБЕН УСМАН
Сенегальский писатель

АДАМ сказала:

— Мы возвращаемся во Францию и берем тебя с собой, Диуана.

Диуана, молоденькая африканка, служившая няней в семье колониального чиновника в Дакаре, была вне себя от радости и нетерпения.

Для того чтобы поехать во Францию, необходимо было оформить паспорт, удостоверяющий, что молодая няня действительно родилась на берегу реки Казаманс, в Сенегале. На расходы, связанные с оформлением, пришлось израсходовать все сбережения. Ну и пусть! «Я еду во Францию!» — напевала маленькая няня.

Диуана мечтала увидеть Францию, чудеснейшую из стран. О Франции поют песни, хвалят ее красоту, ее богатства, все прелести жизни в ней. Там можно быстро разбогатеть. Еще не покинув африканскую землю, Диуана в мечтах уже видела себя возвратившейся домой, богатой. В ее чемодане — обноски для всех близких и друзей...

Между тем мадам вспоминала последний отпуск, проведенный на родине. В колонии она привыкла командовать слугами-африканцами. Во Франции же началось с того, что одной работнице пришлось платить гораздо больше, чем всей прислуге здесь. Вдобавок девушка требовала, чтобы ее отпускали пораньше и строго соблюдала выходные дни, о чем африканцы и заикаться не осмеливались. Нет, спасибо! Теперь она будет умнее и возьмет служанку отсюда.

Все три года, пока Диуана работала в доме, хозяйка манила девушку надеждами взять ее во Францию...

— Ты отдала хозяину свой паспорт?

— Да, мадам.

Мсье вернулся ровно в полдень. Жена встретила его с карандашом в руках, погруженная в подсчеты и записи.

— Грузчики еще не приехали? — нервно спросил хозяин.

— Они будут здесь без четверти два. Багаж придет в Марсель как раз к нашему приезду. Нужно еще забрать вещи няньки.

Старший мальчик побежал за Диуаной.

— Слушаю, мадам.

— Тебя звал хозяин.

— Вот тебе билет на пароход и твой паспорт. Ты довольна, что едешь во Францию?

— О да, миси...

— Сейчас мы пообедаем, а потом поедem за твоими вещами...

К столу подавал мальчик-африканец. Совершенно бесшумно он приносил горячие кушанья и так же бесшумно убирал со стола грязную посуду. Повар-бешумно убрал все свое умение, чтобы на африканец приложил все свое умение, чтобы на прощанье еще раз угодить белым хозяевам. Хлопоча у плиты, он обливался потом и время от времени тяжело вздыхал. Господа уедут, а он останется без работы. Он завидовал няньке: эта девчонка едет во Францию!

Диуана сидела на широком подоконнике кухонного окна и, размечтавшись, следила за полетом птиц. На горизонте вырисовывались очертания острова Горе. В руках у девушки был ее паспорт. Она снова и снова раскрывала его. Ей не очень-то нравилась фотография: лицо получилось слишком мрачным... Но все это пустяки... Самое главное, что она едет во Францию.

— Самба, — обратился к толстяку-повару хозяин, войдя в кухню. — Обед сегодня был превосходный. Ты превзошел самого себя. Мадам тоже очень довольна тобой.

Повар, принявшийся было за еду, вскочил с места, растерянно поправил свой белый колпак и улыбнулся вымученной улыбкой.

— Спасибо, миси. Моя тоже доволен, очень доволен, когда миси и мадам доволен. Миси очень

Рисунки А. Брусиловского

добрый. Только моя очнь плохо, беда. Миси уезжай, моя без работы ходи...

— Не горюй, старина Самбо, мы еще вернемся. С твоим поварским талантом ты себе работу найдешь...

Но Самба не обольщал себя иллюзиями. Хорошо хозяину рассуждать... Дакар кишмя кишит безработными. Каждый хвастает, что он повар. Найти работу здесь нелегко...

Машина плавно катится по асфальту. Диуана в восторге: сам хозяин везет ее за багажом! Ей хочется кричать всем прохожим: «Я еду во Францию! Да, да! Во Францию!»

Когда автомобиль остановился у дома ее родственников на улице Эскарфа, Диуана даже огорчилась. Уже приехали? Так быстро?

Рядом с убогим домишком — кабачок «Веселый мореплаватель». Часть столиков расставлена на тротуаре. Подвыпившие посетители мирно беседуют за пивными кружками.

— Итак, сегодня ты нас покидаешь, племянница? — пошатываясь, поднялся из-за столика пьяный, неряшливо одетый африканец.

Это дядя Диуаны, Тив Корреа — бывший моряк. Двадцать лет назад, полный надежд, отправился он искать счастья. Двадцать лет пропал где-то за морем, в Европе, и вернулся домой развалиной, словно обломок кораблекрушения. Погнался за всеми сокровищами света, а привез лишь чрезмерную любовь к бутылке. Теперь он знает жизнь и ни во что не верит...

— Это правда, что девчонка едет с вами, мсье? Мсье не отвечает. Он неторопливо закуривает сигарету, затягивается, выпускает спираль табачного дыма и холодным взглядом меряет с головы до ног этого оборванца в засаленной одежде, от которого разит пальмовым вином.

Тив Корреа наклоняется к дверце автомобиля:

— Я прожил во Франции целых двадцать лет. Теперь я последний человек в приходе, но я знаю Францию лучше, чем вы... Во время войны я жил в Тулоне. Немцы послали нас работать на шахты... Я все видел... Я против того, чтобы Диуана ехала во Францию!

— Мы ее не принуждаем. Она едет по доброй воле, — досадливо отвечает белый.

— Ну разумеется! Какая африканская девушка не мечтает о Франции! Увы! Молодежь не понимает, что одно дело — жить во Франции и совсем другое — быть во Франции слугой. У нас, в верховьях реки Казаманс, не говорят, как у вас: свет притягивает мотылька. У нас на Казамансе говорят: мрак отгоняет мотылька...

Между тем из домика появилась Диуана, окруженная толпой женщин и девушек. Все они трещали наперебой, просили привезти подарки. Диуана, сияя улыбкой, раздавала обещания направо и налево.

Машина тронулась. Все замахали руками...

Восемь дней в открытом море. «Ничего особенного не случилось», — написала бы Диуана, если бы она вела дневник и вообще умела бы писать. Вода впереди, вода за кормой. Ничего, кроме волнистой глади вокруг, а над ней — небесный купол.

Марсель. Мсье быстро уладил формальности при высадке. Машина помчалась к Лазурному берегу. Диуана во все глаза глядела на богатые приморские виллы. Вот красота-то! Она старалась запомнить все до мелочей —

будет о чем рассказать дома.

Через два часа уже были в Антибе...

Проходили дни, недели... Третий месяц жила во Франции Диуана. Но куда девалась искристая живость юной африканки? Она совсем перестала смеяться. Глаза у нее ввалились, вся она словно высохла. Здесь ей приходилось работать гораздо больше, чем в Африке, — за троих. Франция, прекрасная Франция, пронеслась мимо нее чудесным видением при поездке вдоль побережья. А здесь чахлый дачный садик, живая изгородь соседних вилл, крыши среди деревьев. Каждый дачник живет своей жизнью, отгородившись от соседей.

Мсье и мадам часто уходили, оставляя на полное попечение робкой Диуаны четверых ребятишек.

— Ты должна развлекать детей, — твердила мадам.

Старший мальчишка, избалованный озорник, набрал целую ораву дружков себе под стать. Они играли в «отважных колониальных исследователей». Диуана для них была «чернокожей дикаркой». Они не давали ей покоя ни на минуту.

Наслушавшись среди белых колонистов в Африке всяких разговоров о «неграх», дети повторяли все это, прыгая вокруг Диуаны. Иногда они хором импровизировали песню-дразнилку:

Вот негри-тян-ка...

Вот черно-ма-зая...

Черная, мрачная,

Как ночное небо...

Диуана чахла. Она чувствовала себя одинокой, беззащитной. Ей казалось, что она дышит отравленным воздухом.

Все смешалось в голове девушки: мечты о прекрасной Франции, радостные надежды, повседневные огорчения и обиды. Здесь она была прислугой

«за все»: кухаркой, няней четверых детей, прачкой, горничной...

На дачу приехала отдыхать сестра хозяйки. Диуана стала обслуживать семерых. К вечеру она так уставала, что едва держалась на ногах.

Где же Франция? Где ее волшебные города, где приветливые люди, которыми она восхищалась, когда, словно зачарованная, смотрела в Дакаре французские фильмы? Весь французский народ для бедной служанки Диуаны ограничивался выводком капризных мальчишек, хозяином, хозяйкой и мадемуазель — сестрой хозяйки. Вся территория Франции сузилась до пределов дачного участка.

Диуана испытывала такое ощущение, словно ее медленно засасывает тряпина. Все широкие, светлые горизонты ее девичьих мечтаний померкли. Теперь ее мысли занимало одно: цвет ее кожи. Собственная чернота стала внушать девушке непреодолимый ужас. Запуганная, словно одинокий зверек, она замкнулась в себе... Поделиться своими мыслями и страхами ей было не с кем, и Диуана подолгу разговаривала сама с собой...

Мсье и мадам приняли торжественное решение повезти Диуану к своим родителям в Канны.

Развалившись на солнцепеке в чем мать родила, мадам давала указания Диуане:

— Мои родители не имеют представления об африканской кухне. Ты должна блеснуть своим мастерством, не посрамить нас, африканцев!

— Слушаю, мадам, — робко отвечала Диуана.

— Я уже заказала рис и несколько кур. Только смотри, не переперчи!

— Слушаю, мадам!

Сердце у нее сжималось. Вот уж который раз хозяева таскают ее с одной дачи на другую, к друзьям, к знакомым...

Однажды (это было на вилле у «майора» — так его именовали гости) Диуана почувствовала, что еще мгновение — и она не выдержит. На обед были приглашены экстравагантные женщины и сумасбродные мужчины. Они толпились в кухне, не давали стряпать. Девушка теряла всякое терпение от idiotских, бестактных вопросов:

— А как негритянки?.. А что негритянки?.. А почему негритянки?..

Когда Диуана подавала на стол, дамы взирали на нее с наигранным ужасом. Они с подчеркнутой опаской подносили ложку к своим намазанным губкам, что, впрочем, не мешало им с аппетитом съедать все без остатка.

— На этот раз ты должна превзойти себя, — наставляла Диуану хозяйка.

— Слушаю, мадам.

И Диуана вернулась в кухню.

В Дакаре мадам была добрее, дарила ей старые платья. Диуана приносила подарки домой, гордилась тем, что работает у «больших белых»... Мадам была добрее? Нет! Просто она хотела заманить ее сюда, во Францию. А здесь — никаких любезностей. Весь дом держался на Диуане. Только и слышишь:

— Диуана, сегодня большая стирка!.. Сбегай наверх, принеси мои комбинации и сорочки мсье!.. Ты плохо выгладила мое белье... Ты чересчур накалила утюг... Ты прожгла воротничок сорочки мсье... Не будь такой рассеянной!.. Да, я забыла. Пришей пуговицы к брюкам мсье!

В довершение всего мадам понравилось передразнивать девушку, которая не очень четко произносила некоторые французские слова. Особенно обидно было, когда хозяйка при гостях нарочно коверкала язык, чтобы «было понятнее этой негритянке».

Ее показывали как трофей, как заморский курьез. По вечерам, когда гости «анализировали психологию туземцев», мсье и мадам вызывали с кухни «свою негритянку». Эти «демонстрации» больно ранили сердце девушки.

Пошел четвертый месяц пребывания Диуаны во Франции. День ото дня ей становилось все теснее. Но самым тяжелым было воскресенье. Съезжались гости... Приглашала своих друзей мадемуазель, сестра хозяйки. Молодежь вторгалась на дачу целыми ватагами. В следующее воскресенье — новые гости, шумные, бесцеремонные, назойливые...

Диуана вспоминала свою любимую бруссу — тропический лес, сравнивала ее с безжизненным, сухим, подстриженным кустарником дачного участка. Воспоминания о родной деревушке, о жизни среди простых доброжелательных людей доводили ее до слез. Она молча кусала губы. Теперь ей часто приходили на память напутственные слова дядюшки Тива Корреа. Старый матрос был прав. Диуане очень хотелось послать ему письмо, но писать она не умела. Она не могла даже ответить на письма, полученные от матери. Мадам обещала написать, но все откладывала. Да и могла ли Диуана продиктовать хозяйке все, что наболело на душе?

Почтовые марки, которые Диуана хранила для ответа, бесцеремонно забрала мадемуазель...

— Продалась, продана в рабство, — повторяла про себя Диуана. Но вслух она не произносила ни слова. Она молчала, как улитка на берегу реки после отлива, на берегу ее родной реки Казаманс.

Диуана молчала даже тогда, когда раздавался визгливый голос мадемуазель.

— Дуна! — кричала сестра хозяйки. — Дуна!

Мадемуазель не давала себе труда правильно произносить ее имя. Она была еще капризнее и привередливее, чем сама мадам.

— Дуна, уходи здесь! Дуна, почему ты до сих пор не сделала этого? Дуна, ты бы хоть немного привела в порядок сад!

Стиснув зубы, Диуана выполняла все приказания...

Однажды, возвратившись с прогулки, мадам прошла в ванную комнату, но сразу же выскочила оттуда с искаженным от злости лицом.

— Диуана, Диуана! Ну и грязнуха же ты! Как ты напачкала в ванной!

— Это не я, мадам. Это дети...

— Дети? Ты врешь! Мои дети опрятные, они гораздо чище тебя. Ты на них наговариваешь. Ты лжешь, как все африканцы. А я этого не люблю! Я не люблю лгунов, а ты — лгунья! Отправляйся сейчас же наверх и уходи в ванной, дикарка!

Диуана слушала молча, но губы у нее дрожали. Она поднялась на второй этаж, в ванную. Через несколько часов ее нашли там мертвую.

Следователь зафиксировал еще один случай самоубийства среди «выходцев из колоний». В хронике происшествий местная газета поместила несколько строк: «В Антибе негритянка-неврастеничка перерезала себе горло».

Перевел с французского
С. Волк

